

КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНСКОЙ ОБЩНОСТИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

И. И. Лещиловская

В первой половине XIX в. в славянских землях получили развитие общественные течения разной классовой природы. В их идеологии значительное место занимал вопрос славянского единения и сотрудничества. Концепции и программы такого рода были едва ли не самым популярным предметом научного исследования в мировом славяноведении. Интерес к ним не ослабевает и в наши дни, подтверждением чего служит включение идейных аспектов «славянской взаимности» в проблематику международных славистических конгрессов и конференций, посвященных изучению разных сторон жизни славянских народов в XIX веке¹.

Научная литература, так или иначе касающаяся теорий и программ, сформулированных в первой половине XIX в. по вопросу о судьбах славян, огромна и многолика по содержанию, широте охвата проблемы и методологической основе. Буржуазная историография накопила большой материал описательного характера касательно взглядов отдельных мыслителей на славянство. Но для буржуазных исследователей независимо от школ и национальной принадлежности характерны изучение теорий и программ единения славян в отрыве от материальных условий жизни и коренных интересов классов и социальных слоев в славянских землях, изображение славянских общностей как бесклассовых организмов, трактовка идейных построений первой половины XIX в. как прямого продолжения бытовавших ранее воззрений на славян, идеализация отношений между имущими классами славянских наций.

Историки социалистических стран, подходя к идеологическому процессу в отдельных славянских землях в первой половине XIX в. с принципиально иных методологических позиций, много сделали в плане научного анализа концепций и программ славянской общности. Исследование этих идейных явлений ведется, как правило, в страноведческом плане. Но есть уже и работы, выходящие за рамки идейной жизни одной страны и рисующие широкую картину взглядов на славянство в первой половине XIX века². Однако изучение концепций и программ

¹ О работе исторической секции VI Международного съезда славистов (Прага, 1968 г.) по проблеме «Развитие идей и программ славянской взаимности в XVIII—XX вв.» см.: И. И. Лещиловская. Идеино-политические аспекты славянской взаимности в XVIII—XX вв. «Советское славяноведение», 1969, № 2.

² В. Limanowski. Historia demokracji polskiej. Cz. 2. Warszawa. 1957; И. Колька. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Praha. 1964; М. Zivanevič. Hirska varijanta ideje o slovenskoj uzajamnosti. «Kolo». 1966, br. 8, 9, 10; «Slovanství v národním životě Čechu a Slováků». Praha. 1968; «L'udovit Štúr und die slawische Wechselfeitigkei». Bratislava. 1969; В. Матула. Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии. «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах». М. 1970.

сближения славян, помимо прочих факторов, затрудняется неразработанностью и недифференцированностью терминологического аппарата. Так, понятия «славянское сознание», «славянская взаимность», «панславизм», «всеславянство», «славянофильские чувства» употребляются в литературе нередко как тождественные, мешая проникновению в существо разных явлений.

В советской литературе получили освещение взгляды видных славянских мыслителей и деятелей на славянство, направленные на сближение славян программы общественных течений в отдельных славянских странах и землях в рассматриваемое время³.

Настоящая статья представляет собой попытку сравнительно-исторической характеристики концепций славянской общности и программ единения славян в их разной классовой и национальной трактовке в период с конца XVIII в. до революции 1848 года.

Сознание этнического родства и языковой близости возникло у славян на ранней стадии развития. Тогда же появились и первые сочинения, возвеличивавшие численность и могущество славян⁴. В XVI—XVII вв. особое внимание к этим вопросам проявляли польские и хорватские мыслители и поэты⁵. Это было естественно для Хорватии, находившейся под чужеземным игом, как и для Польши, испытывавшей постоянную угрозу нападения с запада и юга. К тому же времени относилось возникновение идеи единения славянских народов, одним из первых провозвестников которой был Ю. Крижанич, хорват по происхождению, мыслитель и писатель, творивший в XVII веке. Он разработал конкретные пути культурного и политического сплочения славянства, отводя главную роль в этом процессе Русскому государству⁶. Традиция славянского этнического сознания не прерывалась на протяжении веков.

Общественный интерес к происхождению славян, их родине, истории, языкам, судьбам и значению в мировом историческом процессе с новой силой вспыхнул во второй половине XVIII века. Он был связан с потребностями поднимающейся буржуазии славянских земель в самоутверждении. Сознание родства отдельных славянских общностей между собой, многочисленности славян, их славы и могущества в прошлом было способно придать силы и влить уверенность в новый общественный класс. Это имело особое значение там, где на пути собственного утверждения новые общественные силы встречались с противодействием не только со стороны местного феодального класса, но и чужеземных угнетателей, в свою очередь, переходивших под воздействием развития капитализма к политике насильственной денационализации угнетенных народов. Обострение общественного внимания к славянству было результатом зарождения и формирования отдельных славянских наций. Стремление понять себя, определить свое место в окружающем мире, связанное с развитием национального самосознания, неизбежно поро-

³ М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. II. М. 1955; Ю. Д. Марголис. Проблема единения славянских народов в политической программе Т. Г. Шевченко. «Вестник» Ленинградского университета, 1958, № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3; А. С. Мильников. Павел Шафарик — выдающийся ученый-славист. М.-Л. 1963; его же. Йозеф Юнгман и его время. М. 1973; И. И. Лещиловская. Иллиризм. М. 1968; И. В. Чуркина. Просветительская деятельность Матии Маяра в 40-е годы XIX в. «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах»; А. И. Бортников. Кирилло-Мефодиевское общество и польское национально-освободительное движение. Там же; В. А. Дьяков. Идея межнационального сотрудничества в программах польских, русских и украинских революционеров 1840-х годов. «Советское славяноведение», 1971, № 5.

⁴ В. Д. Королюк. К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага. 1968). Доклады советской делегации». М. 1968, стр. 101, 109, 110, 111.

⁵ И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб. 1910, стр. 9, 10

⁶ Ю. Крижанич. Политика. М. 1965.

дало интерес к этнически родственным общностям. В условиях национального угнетения они воспринимались как опора национального бытия того или иного народа, а затем и как важный общественный фактор в борьбе за национальное освобождение.

С конца XVIII в. славянское этническое сознание стало опираться на научную основу. Она была заложена трудами И. Добровского, А. Х. Востокова, Е. Копитара, П. Й. Шафарика. Расширился объем славянского этнического сознания. Кроме общности происхождения и родства языков, в общественном сознании отложились сходство исторических судеб славянских народов и их современная культурно-бытовая близость. Но главное, в результате сдвигов в общественных отношениях и духовной жизни сознание этнической общности славян сочеталось теперь с развивавшимся самосознанием отдельных славянских наций. С конца XVIII в. на основе сознания славянской этнической общности в славянских землях стали развиваться идеологические построения, которые поднимали вопросы исторического развития и намечали пути их решения в масштабах всего или части славянского мира. Они носили отчетливо классовый характер.

Развитие идей славянской консолидации в их разной классовой интерпретации определялось жизненными потребностями соответствующих социальных слоев в условиях перехода славянских земель от феодализма к капитализму. На возникновение и эволюцию идей славянского единения оказали влияние также внешние факторы общественно-политического и идеологического характера. Толчок славянским мыслителям в Австрийской империи к поискам путей, способов и форм сближения славян дала итальянская и немецкая объединительная мысль. С другой стороны, идеи славянской общности в их различных проявлениях оформились здесь в противовес националистическим построениям немецкой буржуазии и венгерского либерального дворянства. Претензии указанных классов на упрочение своего господства над славянскими народами обострили потребность славянской общественности в противостоящих идеологических положениях. Мысль о славянском единстве как нельзя лучше отвечала этой задаче. Наконец, оформлению концепций славянской общности способствовала решающая роль России в разгроме Наполеона. «Москва горящая! Для нас ты символом победы стала!»⁷ — писал словацкий поэт и мыслитель Я. Коллар в одном из своих сонетов. Сознание того, что могущественная империя Бонапарта пала прежде всего под ударами русского оружия, вселяло в прогрессивных мыслителей малых славянских народов оптимистическую веру в способность славян объединенными усилиями улучшить условия своей жизни и развития и занять подобающее место среди свободных европейских народов.

В первой половине XIX в. главным опосредованным творцом идей славянской общности выступал формирующийся буржуазный класс во всем многообразии его облика в отдельных славянских землях. Идеологи буржуазии из среды интеллигенции, субъективно не связывавшие себя с одним классом и говорившие от лица всей нации, были провозвестниками идей славянского сближения и наиболее активными их глашатаями. Чехи Й. Юнгман и Ф. Челаковский, словаки П. Й. Шафарик и Л. Штур, хорват Л. Гай в разное время и в неодинаковых условиях пропагандировали идеи славянской консолидации, получавшие особые оттенки под влиянием конкретных условий формирования отдельных славянских наций. Но объединяющим этих деятелей началом был подход к славянской проблеме с позиции поднимавшихся буржуазных общественных сил.

⁷ Я. Коллар. Сто сонетов. М. 1973, стр. 203.

В условиях национального гнета славянская проблема привлекала также внимание различных слоев феодального класса. Это касалось прежде всего хорватского и польского дворянства, поскольку в других угнетенных славянских землях «национального» дворянства или вообще не было, или оно переживало, как, например, сербское дворянство в Воеводине, процесс ассимиляции с дворянским сословием привилегированных наций. Начавшееся с конца XVIII в. наступление венгерского дворянства на «исторические права» Хорватского королевства, которые местные помещики отождествляли с собственными политическими привилегиями, заставило их обратиться к концепции славянской общности как идеологическому оружию в борьбе за сохранение своих позиций. Реальные условия жизни побуждали и польскую шляхту интересоваться славянским вопросом. Вхождение Королевства Польского в Россию, Галиции — в Габсбургскую монархию с их многочисленным славянским населением ставило вопрос о взаимоотношениях славян, рождало идеи решения польского вопроса посредством и в рамках славянского вопроса. Развитие в консервативной среде взглядов на славян и их будущее происходило на фоне общих идеологических сдвигов в сознании дворянства, обусловленных переменами в экономике и укладе жизни.

Высший католический и униатский клир в славянских землях Австрийской империи, представлявший одну из опор габсбургского режима, был враждебно настроен к идеям сближения славян. Решающее значение для него имела позиция имперских властей, руководствовавшихся принципом «разделяй и властвуй». Но в низших слоях католического и униатского духовенства, не связанных столь тесно с австрийской политикой и ближе стоявших к буржуазным слоям своих наций, жило и развивалось сознание славянской этнической общности, являвшееся благоприятной почвой для восприятия идей единения славян. Для православного духовенства вероисповедная общность оттесняла этническую. Но под влиянием постоянного давления, которое православное духовенство в Австрийской империи испытывало со стороны дворянства, католического духовенства и властей, оно прибегало к идеям славянского единения в целях самообороны, но толковало их в феодально-клерикальном духе.

Духовенство разных конфессий идеологически не было однородным. Среди прогрессивных славянских мыслителей и деятелей было немало таких, которые по общественному положению принадлежали к духовному сословию, но идеологически представляли буржуазный класс. Чех Й. Добровский, словак Я. Коллар, словенец М. Маяр, хорват П. Штоос и др. имели священнический сан, но по образу мыслей были выразителями интересов буржуазного развития. Эти лица, входившие в число наиболее образованных представителей своих наций, обладавшие в значительной мере благодаря этому широким кругозором, хотя общественное положение налагало отпечаток на их взгляды, выступали воодушевленными проповедниками славянского единения.

Стихийно-демократические тенденции в среде крестьянства, находившие проявление в совместной классово-национальной борьбе крестьян разных национальностей, явились социальным источником революционно-демократических идей солидарности трудящихся классов славянских народов.

Славянская общественная мысль была тесно связана с идейной жизнью Европы. Прогрессивные славянские мыслители усваивали и перерабатывали в соответствии с особенностями положения своих народов достижения европейской общественной мысли, в свою очередь, обогащая ее развитие своими творческими поисками. Нередко они применяли к славянам идейные положения, получившие широкое распространение в Европе (например, теорию «естественного права»), или, наоборот, отталкивались от националистических построений идеологов имущих классов господствующих наций. Взаимодействие славянской

общественной мысли с общественной мыслью других европейских народов происходило по идейным направлениям, соответствующим социальной структуре того или иного общества.

Идейная жизнь славянских народов в Австрийской империи, в особенности чехов, словаков, словенцев, хорватов и сербов, развивалась в близких социальных и политических условиях при всех различиях, существовавших между западной частью империи и Венгерским королевством, а также между самими славянскими землями по положению, темпам, уровню развития и историческим традициям.

В первой половине XIX в. между публицистами, общественными деятелями славянских народов, в первую очередь прогрессивных направлений, установились живые контакты, облегчившие возможность идейных взаимовлияний. Это определяло сходство, а иногда и общность черт их идейного склада, проявившихся, в частности, во взглядах на прошлое, настоящее и будущее славянства. Вместе с тем особенности национальной ситуации в каждой из славянских земель обусловили многообразие концепций славянской общности, неравномерность развития идей сближения славян у отдельных славянских наций, как и неравнозначность удельного веса славянского вопроса в идеологической системе однотипных общественных течений разных народов. В конечном итоге характер концепций славянской общности и их место в идеологии, представлявшей интересы того или иного класса отдельных славянских наций, определялись реальным положением и целями данного класса, условиями социального формирования наций, особенностями исторического развития народа и идейными традициями.

Рубежом в развитии идей славянской общности был 1830 год, знаменовавшийся революцией во Франции и польским национально-освободительным восстанием. Эти события усилили у прогрессивной части национально угнетенной славянской общественности стремление к освобождению, что ускорило формулирование концепций славянской общности и конкретных программ межславянского сотрудничества. Вместе с тем польское восстание 1830—1831 гг. способствовало углублению представлений прогрессивных славянских мыслителей о структуре славянства и межславянских связей, пониманию различия целей и интересов царизма и русского общества.

Выразители идейных течений внутри отдельных славянских наций вкладывали в славянскую проблему неодинаковый смысл, в соответствии с классовыми интересами представляемых ими социальных групп общества.

За время с 70-х годов XVIII в. до середины XIX в. существенно изменились как теоретические взгляды на славянство, так и место идей единения славян в программах буржуазных течений в отдельных славянских землях⁸. До 40-х годов XIX в. идеи сближения славян, в разных его вариантах, выступали на первый план в идеологии буржуазных слоев Чехии, Словакии и Хорватии. Но и тогда эти идеи служили прежде всего задаче освобождения каждой отдельной нации. Позднее под воздействием комплекса причин судьбы славянства получили подчиненное место в буржуазных программах построения. Внимание общественности непосредственно сконцентрировалось на национальной проблеме.

Наиболее ранняя конкретизированная концепция славянской общности принадлежала Я. Коллару. В полной и законченной форме он выразил свои взгляды в трактате, который вышел в 1837 г. на немецком языке под названием «О литературной взаимности между различными

⁸ Для первой половины XIX в. о программах отдельных течений можно говорить лишь условно, подразумевая под этим систему основных положений, сформулированных наиболее авторитетными идеологами и руководителями общественных лагерей.

племенами и наречиями славянской нации». Коллар рассматривал славян как «один народ», трактуя это понятие в смысле нации⁹. «Все славяне,— писал он,— одна кровь, одно тело, один народ, все их наречия однородны...»¹⁰. Вместе с тем концепция Коллара строилась на признании внутри «славянского народа» четырех «племен» — русского, иллирийского (сербского), польского и чехословацкого — и соответственно в составе славянского «языка» — четырех «наречий»¹¹.

Я. Коллар обосновал и развил идею об особой общности чехов и словаков как органической части славянского целого и едином чехословацком «наречии». Она опиралась на трехсотлетнюю традицию употребления чешского языка в Словакии в качестве литературного¹². Странники теории единого чехословацкого народа имелись как в словацкой, так и в чешской среде. Но если у словацких деятелей чехословакизм выступал как форма идеологической защиты от мадьяризации, то у чешской стороны он выполнял не только оборонительные функции против германизации, но был вместе с тем и прикрытием для начавших уже проявляться экспансионистских устремлений чешской буржуазии.

В первой половине XIX в. в кругах славянской общественности в соответствии с лингвистическими представлениями того времени, отводившими орфографии важную роль в развитии языка, высказывались пожелания об установлении графического единства между славянскими языками. Появились даже фантастические помыслы о слиянии всех славян в литературно-языковом отношении. Странниками такого единства были польский филолог С. Б. Линде, словацкий адвокат Я. Геркель, словенский священник М. Маяр. Однако подобные идеи широкого распространения не получили. Зато большой популярностью пользовались идеи литературного сближения славянства и особенно сплочения ближайших родственных общностей внутри него. Но формы и пути такого соединения мыслились славянскими учеными и общественными деятелями неодинаково.

Значительное влияние на славянскую интеллигенцию оказало учение Я. Коллара о литературной взаимности славян. Словацкий мыслитель понимал под такой взаимностью литературно-духовный союз славян, предполагавший создание общего литературного языка для каждой из четырех упоминавшихся выше групп и их взаимное сближение¹³. Я. Коллар назвал конкретные пути утверждения взаимности. Этому должны были служить обмен книгами между писателями, устройство кафедр славянских «наречий» в школах, основание общеславянского литературного журнала и т. д. Литературная взаимность должна была стать формой сотрудничества, а для части славян — и практического культурного слияния с целью обеспечения их всестороннего прогресса¹⁴. Во взглядах Я. Коллара на литературно-языковое развитие славян трезвое понимание необратимости процесса самостоятельного литературно-языкового оформления тех народов, которые наиболее продвинулись по пути национальной консолидации, соединилось с утопическими упованиями на возможность искусственно воспрепятствовать дальнейшему углублению национальной дифференциации в славянском мире и становлению национальных литературных языков.

⁹ J. Kollár. Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation. В этом трактате термины «народ» (Volk) и «нация» (Nation) употреблялись как тождественные.

¹⁰ J. Kollár. O literárnej vzájomnosti. Bratislava. 1954, str. 161.

¹¹ Ibid., str. 114.

¹² J. Tibenský. Der slawische Gedanke und seine Rolle zu Beginn der slowakischen nationalen Wiedergeburt.— «L'udovit Štúr und die slawische Wechselseitigkeit». S. 42.

¹³ J. Kollár. O literárnej vzájomnosti, str. 111, 113, 136, 166.

¹⁴ См. Я. Коллар. Указ. соч., стр. 115, 117, 147.

Учение Я. Коллара о литературной взаимности славян было глубоко противоречивым. Это была программа культурного подъема славян, взаимного обогащения их культур. Но она не носила демократического характера, ибо была ориентирована исключительно на образованные, то есть имущие, слои славянского общества. В идеях Я. Коллара отражалась неудовлетворенность прогрессивной славянской общности положением славянских народов и ее стремление к переменам. Однако принцип литературного сплочения славян сочетался у Я. Коллара с призывами к славянам соблюдать верность своим монархам и правительствам, пропагандой идеи незыблемости существующих политических порядков, с осуждением революционных действий, из которых якобы, по словам автора, «возникает только неразбериха и несчастье»¹⁵. Верноподданничество придавало всей системе взглядов Я. Коллара на судьбы славян консервативно-охранительные черты. Литературная взаимность, сознательно противопоставленная политической борьбе, таила в себе опасность вырождения в беспочвенные мечтания о славянском «братстве», указывала путь приспособления к существующему режиму и становилась клапаном для выхода общественного недовольства. Теория и программа Я. Коллара отражали процесс идеологического становления буржуазии, но вместе с тем несли на себе отпечаток экономической, общественной и политической отсталости Словакии.

Степень утопизма и жизненности идеалов Я. Коллара определялась не трудностями их осуществления, а мерой соответствия направлению исторического прогресса. Утопизм программы Я. Коллара состоял в том, что сам принцип сведения славянских литературных языков к четырем не отвечал насущным потребностям развития славянских наций. Но поскольку основные идеи Я. Коллара отражали объективную тенденцию к сближению славянских народов, постольку они заключали в себе реальное содержание.

Результатом творческого развития колларовской концепции в конкретных условиях жизни южных славян явилось построение о национальной целостности южнославянских народов, в первую очередь сербов, хорватов и словенцев. Объединительная южнославянская идея была не только идеологической формой самозащиты перед лицом германизации и мадьяризации, но также теоретическим оружием прогрессивных общественных сил южных славян в борьбе против региональной ограниченности соответственно в хорватском, сербском и словенском ареалах. Однако принцип национального единства балканских славян получил в южнославянских землях в зависимости от классовых притязаний буржуазии неодинаковую трактовку.

Теория национальной целостности балканских славян родилась в буржуазно-дворянских кругах Хорватии. Она сформировалась в условиях административно-политической и литературно-языковой раздробленности хорватов, в противовес мадьяризаторским теориям венгерского дворянства, на основе растущих хозяйственных и культурных контактов между южнославянскими землями. Первоначально Л. Гай, один из идеологов либерального лагеря, и его последователи безоговорочно писали о южных славянах как о нераздельном народе. Но под влиянием развития национального самосознания в южнославянской среде они признали генетические различия между хорватами, сербами, словенцами и болгарами и заявили об их сохранении в будущем. Однако эти различия, по мнению хорватских буржуазно-дворянских идеологов, не могли поставить под сомнение национальное единство южных славян, которым было дано нейтральное имя «иллиры». «Теория одного народа» строилась Л. Гаем на началах межнационального компромисса. Что же касается вопроса о соотношении южнославянской и общеславянской общностей, он остался в идеологических построениях хорватских деяте-

¹⁵ J. Kollár. O literárnej vzájomnosti, str. 111.

лей неразработанным. Исходя из рассмотренной выше теоретической посылки, хорватские буржуазно-дворянские идеологи выдвинули задачу литературно-языкового объединения южных славян. Для Л. Гая и его ближайших единомышленников оно представлялось предпосылкой политического объединения южных славян в перспективе¹⁶.

Идейные представители сербской торговой среды в Воеводине в противовес загребской концепции, которая была связана с интересами хорватской буржуазии и части дворянства, выдвинули свою концепцию южнославянского объединения под главенством сербов, то есть сербской буржуазии. Это нашло отражение в обозначении всех или части южных славян названиями «сербы» или «югославыне»¹⁷. В конце 30-х — начале 40-х годов между сербскими и хорватскими публицистами развернулась острая полемика об «именах». В этом идейном столкновении нашли отражение и материальные интересы буржуазных слоев в конкретных условиях развития сербской и хорватской наций.

«Теория одного народа», в разных ее вариантах, была популярной в основном в хорватской и сербской общественной среде. Это объяснялось условиями жизни сербов и хорватов, в частности, единством народно-разговорной базы, смешанным составом населения на значительной части территории расселения этих народов. Данные обстоятельства в одних случаях порождали, в других усиливали у идеологов поднимавшихся буржуазных общественных сил субъективное восприятие южных славян, в первую очередь сербов и хорватов, как одного народа, тем более что вытекающие из этого сознания теоретические положения при известной трансформации были способны выразить классовые интересы буржуазии. Потребность защиты национальной индивидуальности и укрепления позиций сербов и хорватов толкала прогрессивных деятелей той и другой стороны к поискам путей практического сближения этих народов. Этому способствовали литературно-языковые реформы В. Караджича и Л. Гая. Эти реформы, хотя они основывались на разных идеологических концепциях, означали поворот в литературно-языковом развитии сербов и хорватов в направлении установления их литературно-языкового единства. Конкретный случай с сербами и хорватами показывает, что выдвигаемая славянскими мыслителями идея литературно-языкового сближения и даже слияния некоторых народов была реальной для отдельных ситуаций.

В 40-х годах XIX в. славянские нации продвинулись вперед в своем формировании, и колларовская концепция славянской общности вошла в противоречие с потребностями складывания их культуры и требованиями растущих национально-освободительных движений. Порожденная условиями жизни словаков на ранней стадии их национальной консолидации, она явилась препятствием прежде всего на пути развития самой словацкой нации. Потребность в самостоятельном едином литературном языке словаков, вызванная укреплением экономической общности нации, в новых формах межнациональных контактов в связи с подъемом словацкого национально-освободительного движения на уровень политической борьбы, в утверждении словаков как самостоятельного и равноправного народа в составе Венгерского королевства обусловила неизбежность пересмотра колларовской концепции.

Новое понимание славянской общности нашло отражение в работе Л. Штура «Наречие словацкого языка и необходимость писать на этом наречии» (1846 г.) и других его сочинениях. Он видел высшее единство славян «в единстве стремлений, в единстве принципов, в одной и той же цели». Для такого «согласия» Л. Штур отрицал необходимость национальной основы¹⁸. Это была концепция славянской общ-

¹⁶ Подробнее см. И. И. Лещиловская. Иллиризм.

¹⁷ «Новый сербский летопис». 1839, ч. III, стр. 93—124.

¹⁸ «Danica hrvatska, slavonska i dalmatinska», 1847, br. 47, str. 187—188.

ности, отличавшаяся от колларовской признанием национальной самобытности и равноправия каждого славянского народа. В противовес колларовскому тезису, что будущее славян связано с расцветом славянства как органического целого, Л. Штур выдвинул положение о развитии славянства через национальный подъем отдельных славянских народов, на диалектической основе «единства в многообразии»¹⁹. Концепция Л. Штура более глубоко отразила процесс формирования словацкой и вообще славянских наций и явилась шагом вперед в общественном осмыслении тенденции исторического развития славянских народов.

Политические потребности породили в середине 40-х годов XIX в. и в чешской либеральной среде новый взгляд на развитие и судьбы славян. Он был сформулирован К. Гавличком-Боровским в статье «Славянин и чех» (1846 г.). Данная концепция отличалась от колларовской и перекликалась со штуровской отрицанием национальной целостности славянства. Вместе с тем К. Гавличек остался на позиции четырехчленного деления славян, рассматривая русскую, польскую, чешскую (с включением словаков) и иллирийскую группы как самостоятельные народы. Отмечая несовместимость стремлений славян, этот чешский либерал подчеркивал в то же время общность интересов чехов и южных славян²⁰. Это был вариант концепции славянской общности, территориально ограниченной рамками Австрийской империи.

Формирование взглядов чешских либералов на славянство находилось в связи с эволюцией их отношения к России. На ранней стадии национального пробуждения славянских народов в прогрессивных кругах славянской общественности Австрийской империи имели распространение романтические представления о России как части славянского мира. Довлело сознание этнического родства всех славянских народов. В лице России идейные представители буржуазного класса угнетенных славянских наций (И. Юнгман, Ф. Челаковский и др.) видели моральную опору, символ величия славянства, гарантию сохранения славянами своей самобытности. В самом факте существования России они черпали новые надежды, новые силы. Даже в прогрессивных польских кругах, прежде всего на территории Королевства Польского, входившего в состав России, велись поиски путей освобождения славян в опоре на нее. Так, представитель польского Просвещения С. Сташиц выступал за объединение славянских «племен» на федеративной основе под главенством России, рассчитывая таким путем достичь объединения Польши и обеспечить ее самостоятельность и равноправие в системе славянского союза²¹.

Подавление царизмом польского восстания 1830—1831 гг. нанесло удар по незрелым формам русофильства, не делавшим различий между самодержавием и русским народом, по романтическим представлениям, далеким от понимания внутриполитического строя николаевской России, по иллюзиям о способности царизма хотя бы в отдаленной перспективе принести свободу угнетенным Австрией и Пруссией славянам. Чешские деятели П. И. Шафарик, Ф. Челаковский в числе первых осознали различие интересов царизма и русского общества. Но и после 1830 г. идиллические представления о царской России, без учета дифференциации политических сил в ней, продолжали жить в либеральных кругах славянской общественности, в том числе в чешской и словацкой среде. Логическим продолжением таких взглядов были реакционные помыслы, хотя и недостаточно оформленные, смутные, иногда лишь кратковременные, о переходе славян под скипетр русского ца-

¹⁹ В. М а т у л а. Указ. соч., стр. 103.

²⁰ «Karel Havlíček Borovský politik a novinář» (Vybor z díla). Praha. 1956, str. 33, 36, 56, 57.

²¹ В. S z a c k a. Stanislaw Staszic. Warszawa. 1962, str. 138—140.

ря²². Такие настроения питались, с одной стороны, крайне трудным положением небольших славянских наций, с другой — реальной помощью России балканским народам в их борьбе против османского гнета.

Усиление политического влияния России в международных делах в сочетании с ростом национально-освободительных движений славянских народов вызвало в националистических кругах Европы идейную борьбу против нее. Страх перед могуществом России порождал домыслы о ее великодержавно-гегемонистских устремлениях и агрессивности, имевшей целью территориальные захваты. В 30-х годах XIX в. антирусская кампания в европейских странах достигла широкого размаха. Под влиянием обострения восточного вопроса она тайно поощрялась правительствами европейских держав²³. С принципиально иных позиций критиковали реакционную политику николаевского самодержавия демократические деятели Европы. Эта критика порождалась позицией царизма во время французской революции 1830 г., подавлением польского восстания, господством самодержавных порядков в самой России.

Многочисленные факторы внутреннего российского и международного характера в сочетании с враждебным отношением к России со стороны европейской общественности сыграли роль в формировании представления о мнимых агрессивных целях России в некоторых слоях интеллигенции славянских земель Австрийской империи. Это нашло отражение в концепции чешских либералов по славянскому вопросу. Создавая новую теорию славянской общности, они стремились парализовать тяготение части словацких и южнославянских деятелей к России и утвердить гегемонию чешской буржуазии в славянских национально-освободительных движениях в Австрийской империи, особенно в словацкой национальной среде²⁴. Другим, еще более важным фактором, обусловившим пересмотр чешскими либералами существовавших взглядов на славянство, была потребность чешской буржуазии в конкретной программе политических действий, в определении целей и задач национальной борьбы, а в связи с этим и в поисках союзников²⁵.

Наиболее откровенно классовые претензии чешских буржуазных слоев выражала теория К. Гавличка. Она явилась теоретическим обоснованием австрославизма, ставшего политическим знаменем чешской буржуазии на многие десятилетия. Еще в XVIII в. среди славянских писателей Австрийской монархии была традиционной мысль о том, что славяне жизненно заинтересованы в ее существовании. С конца столетия у мыслителей, выразивших новые общественные настроения, сознание неразрывности судеб славян и Габсбургского государства стало сочетаться с мыслью о том, что интересы его развития требовали улучшения положения славянства в нем. В 1791 г. в этом духе высказались словенец А. Линхарт и чех Й. Добровский. Они представляли формирующиеся нации, наиболее подверженные опасности германизации²⁶.

Отрицательное отношение австрийского правительства к плану объединения всех немецких земель в его великогерманском варианте, противодействие венского двора требованиям венгерского либерального дворянства, незначительные уступки славянам, в действительности

²² См. «Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову». М. 1935, стр. 77; И. В. Козьменко. Дневник Ф. В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник. «Славянский архив». Вып. 1. М. 1958, стр. 255, 256.

²³ В. К. Волков. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм». «Славяно-германские культурные связи и отношения». М. 1969, стр. 35, 37, 38, 58, 59.

²⁴ J. Kočí. Der Austroslawismus und seine Rolle in der tschechischen Politik. «L'udovit Štúr...», S. 102.

²⁵ Ibid., S. 111.

²⁶ V. Záhák. Die Rolle des Austroslawismus in der Politik der österreichischen Slawen. «L'udovit Štúr...», S. 128.

являвшиеся частью политического маневрирования короны в условиях обострения австро-венгерских противоречий, наконец, раздуваемый немецкой националистической печатью страх перед мнимой агрессивностью России — все это укрепляло чешских либералов в мысли о совпадении интересов чехов, словаков, а также южных славян и австрийского двора, что усиливало тенденцию к сохранению Габсбургской монархии и укреплению ее на определенной основе.

Идейно-политическая позиция чешского либерализма проявилась в названной выше статье К. Гавличка. Главная мысль статьи состояла в констатации зависимости будущности чехов и южных славян от мощи Австрийской империи, которая якобы обеспечивала безопасность этих народов. В статье впервые был поставлен вопрос о необходимости политического сплочения чехов и южных славян, имевших, по словам автора, общий интерес в упрочении монархии Габсбургов. К. Гавличек подчеркивал экономические выгоды для более развитой чешской стороны от сближения чешских и южнославянских земель²⁷. Хотя в статье прямо не говорилось, но из строя воззрений чешских либералов следовало, что будущее Австрийской империи они связывали с введением в ней буржуазных свобод и национального равноправия.

Классовые корни идейно-политического построения К. Гавличка были связаны с потребностью чешской буржуазии в упрочении своих позиций на имперском рынке (в его составе территория Венгерского королевства была важным потребителем продукции чешской промышленности и источником сырья для нее) и в расширении рыночной сферы в сторону Балкан. Политическая основа этой программы состояла в том, что для изменения национальных отношений в Габсбургской монархии в желательном для себя направлении тогда еще слабая чешская буржуазия нуждалась в союзниках. Ими могли быть социально и этнически родственные группы, которые, в свою очередь, были связаны с империей узами экономического и политического характера, но проявляли неудовлетворенность существующим положением. Анализ политической обстановки и просто классовый инстинкт подсказывали идейным вдохновителям чешской буржуазии, что эти черты были свойственны прежде всего имущим классам южнославянских земель, особенно Хорватии. А тот факт, что Чехия находилась в центре Австрийской империи и инициатива политической интеграции живших в ней славян исходила из Праги, неизбежно предопределял ведущую роль чешской буржуазии в славянском политическом союзе.

Сознание родства болгар с другими славянскими народами получило отчетливое выражение уже в «Славеноболгарской истории» Паисия Хилендарского (1762 г.). С начала XIX в. в болгарском обществе усилилась вера в освобождение от османского господства с помощью России. Однако в рассматриваемое время болгарская общественная мысль не выдвинула теоретических положений по славянскому вопросу в духе нового времени. На состоянии идейной жизни болгар сказывалась прежде всего незрелость общественных условий, явившаяся результатом крайне тяжелых обстоятельств исторического развития болгарского народа. Развернувшаяся в Болгарии в первой половине XIX в. в разных формах борьба против угнетения была порождена новыми общественными отношениями, но ее интенсивность определялась не уровнем их развития, а остротой противоречий между формирующейся болгарской буржуазией и крестьянством, с одной стороны, и турецкой феодальной системой — с другой.

Хотя в первой половине XIX в. значительно усилились русско-болгарские связи и мысль об их важности для прогрессивного развития Болгарии прочно вошла в сознание ее общественности, Болгария не

²⁷ «Karel Havlíček Borovský politik a novinář», str. 39, 45, 56, 57

имела еще достаточно широких и устойчивых контактов с остальным славянским миром. Наиболее активная часть болгарской общественности испытывала сильное влияние национально-освободительных движений других народов Балкан. Болгары участвовали в сербском восстании 1804 г., в греческом восстании 1821 г., хотя во второй четверти XIX в. из-за столкновения интересов болгарской и греческой буржуазии греческое влияние в Болгарии значительно ослабло; болгарская эмиграция тесно сотрудничала с освободительным движением в Дунайских княжествах в борьбе против турецкого гнета²⁸. Бухарест был важным центром формирования болгарской национальной культуры. Так жизнь подводила наиболее дальновидных болгар к мысли об общности задач всех поработанных народов Балкан в борьбе против турецкого господства. В дальнейшем на более высокой стадии общественной дифференциации это сознание воплотилось в идее демократической Балканской федерации.

Либеральные концепции славянской общности и программы единения славян были тесно связаны с общими социологическими построениями и конкретными национальными требованиями, сформулированными наиболее авторитетными руководителями буржуазных течений в славянских землях. В Чехии, Хорватии, Галиции либеральные группировки в 40-х годах XIX в. отчетливо обнаружили стремление к политическому и экономическому переустройству общества в буржуазном направлении, и это определяло понимание их идеологами социальных судеб славян.

Консервативная мысль в славянских землях отражала тенденции феодальных и полуфеодальных сил. Во взглядах на судьбы славянства консервативные идеологи разнились тем, что одни занимали охранительную позицию и вопрос о будущем славян существовал для них лишь постольку, поскольку его выдвигали иные общественные группы, другие, особенно часть польского консервативного лагеря в эмиграции, строили свои планы в расчете на изменение политической карты Европы.

Консервативную мысль в Чехии в начале 40-х годов XIX в. представлял Л. Тун. Ее особенность состояла в том, что она выражала настроения «земского», по национальной принадлежности австро-немецкого, дворянства, заинтересованного в сохранении Австрийской империи, но одновременно и в упрочении в ней позиций Чешского королевства. Для этой мысли не была характерна тенденция славянской консолидации, хотя она уделяла внимание славянской проблеме. Л. Тун видел в соединении «духовных интересов всех славян» предпосылку возвышения Чехии²⁹, однако вопрос о взаимодействии славян в его сочинениях не получил развития. Л. Тун предлагал устранить славянскую проблему из общественной жизни Габсбургской монархии с целью укрепления последней на путях некоторого ослабления национальных трений в целом. Хорватский же консервативный дворянский лагерь в лице своего идеолога Я. Драшковича поддерживал колларовское учение о славянской взаимности, как и идею литературно-языкового слияния южных славян. Я. Драшкович мечтал о южнославянском государстве под властью Габсбургов. Он рассчитывал таким путем укрепить феодально-дворянскую Хорватию³⁰.

Хотя после восстания 1830—1831 гг. в польской консервативной эмиграции господствующей стала западная ориентация, в ее среде раздавались голоса в пользу решения польского, а вместе с ним и славян-

²⁸ «История на България». Т. I. София. 1954, стр. 368, 373, 374, 375.

²⁹ L. T u n. Über den gegenwärtigen Stand der böhmischen Literatur und ihre Bedeutung. Prag. 1842.

³⁰ См. И. И. Лециловская. Иллиризм, стр. 149 и сл.

ского вопроса при опоре на Россию. В 1846 г. под влиянием галицийских событий (подавление Краковского восстания) А. Велопольский, исходя из антиавстрийских позиций, выдвинул идею объединения славян под главенством России. Со стороны эмиграции за соединение славян под водительством России выступал В. Яблоновский, в Королевстве Польском — М. Грабовский, рассчитывавший таким путем достичь благосклонности к полякам со стороны царского правительства³¹.

Глава консервативного крыла польской эмиграции А. Чарторыйский не разделял планов общеславянского объединения. Но, преследуя цель восстановить независимую шляхетскую Польшу с помощью западных государств и связывая успех польского дела с условиями существования и распада Турецкой империи, он для противовеса и противодействия России допускал создание на Балканах, в первую очередь из славянских провинций Турции, сильного южнославянского объединения. Первоначально оно должно было развиваться под эгидой Порты, а со временем — и в качестве самостоятельного государства. Но в отношении Австрийской империи и, следовательно, входивших в нее южнославянских земель, позиция Чарторыйского в 30-е — 40-е годы XIX в. не была четкой. Она стала более решительной лишь после подавления Краковского восстания 1846 года. Агентура Чарторыйского на Балканах оказала влияние на формирование перспективного плана внешнеполитической деятельности Сербского княжества³².

Представители польского консервативного лагеря, при всем различии их политической ориентации, связывали судьбы славян с дипломатическими комбинациями, исключая участие широких масс славянских народов в решении будущности своих наций. Планы польских консерваторов были нацелены на восстановление экономического и политического могущества польской аристократии, хотя и с учетом требований времени.

Нерешенность национального вопроса, подъем национально-освободительных движений в южнославянских землях, преимущества политического положения вассальной Сербии создавали условия для зарождения великодержавных планов ее правительства. В 1844 г. под влиянием агентов Чарторыйского в Белграде министр внутренних дел Сербии И. Гарашанин, представлявший консервативную бюрократию, сросшуюся с верхними слоями социально неразвитой сербской буржуазии, составил «Начертание» — план внешней политики княжества. В нем была сформулирована задача объединения вокруг Сербии южнославянских земель, находившихся под турецкой властью³³. Это была программа образования южнославянского государства в его велико-сербском варианте. Она носила консервативный характер, поскольку была ориентирована на постепенное ослабление Турецкой империи, а не на революционную борьбу народных масс и не на народные массы в южнославянских землях и не предусматривала социально-политических преобразований ни в княжеской, патриархально отсталой Сербии, ни на других южнославянских территориях³⁴. Программа Гарашанина явилась единственной в своем роде, поскольку она легла в основу политики государства.

³¹ W. Feldman. Geschichte der politischen Ideen in Polen seit dessen Teilungen (1795—1914). München und Berlin. 1917, S. 147—149; B. Limanowski. Op. cit., str. 139—140.

³² M. Handelsman. Adam Czartoryski. T. II. Warszawa. 1949, str. 185—186; В. Смоховска-Петрова. Михаил Чайковски-Садък паша и българското възвръщане. София. 1973, стр. 59, 60, 61.

³³ Д. Страняковић. Како је постало Гарашаниново «Начертаније». «Српске Краљевске Академије Споменик». ХСІ, Други разред, 70. Београд. 1939, стр. 75—102.

³⁴ В. Чубриловић. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд. 1958, стр. 174, 176, 178, 183.

В России общественный интерес к славянству пробудился в конце XVIII в. под влиянием процесса формирования русской нации и национального оживления зарубежных славянских народов. Первые теории и программы единения славян сложились в передовых кругах русского общества. В конце 30-х годов XIX в. судьбы славянства заняли также определенное место в системе взглядов раннего славянофильства. Оно представляло собой течение в русской общественной мысли, сочетавшее консервативные и либеральные черты³⁵.

Славянский мир с самого начала привлекал внимание вдохновителей славянофильского направления. Но вопрос о судьбах славянства не имел определяющего значения в их мировоззрении³⁶. Взгляды ведущих славянофилов 30-х — 40-х годов XIX в. на славянство отражали свойственные их теории противоречия. При всем противопоставлении Востока и Запада и выделении России из европейской системы народов ранние славянофилы воспринимали славян как нечто целое, видели в них «одноплеменников» и «единокровных братьев», наделяя при этом Россию чертами старшего «брата», хранителя чисто славянского «начала»³⁷. Они выступали за самобытный путь развития и подчеркивали мессианистскую роль славян³⁸. Считая православие нравственной основой и движущей силой исторического процесса, вдохновители славянофильства выдвинули реакционную идею объединения славян в религиозном отношении на основе православия³⁹. При этом православной России отводилась роль духовного предводителя славян.

Что касается политического развития славян, находившихся под властью Габсбургов, А. С. Хомяков в начале революции 1848 г. в письме А. О. Смирновой высказал мнение, что «будущая судьба славянских народов» должна быть определена «ими самими», путем референдума. При этом идеолог славянофильства, хотя он оправдывал разделы Речи Посполитой и клеймил польское восстание 1830—1831 гг., соглашался с требованием восстановления Польши. Он полагал, что инициатива в решении славянского вопроса на основе самоопределения славян должна исходить от России. В этом он видел предпосылку укрепления авторитета царизма в Европе⁴⁰.

Ранние славянофилы были свободны от панславистских претензий на государственное объединение славян под скипетром царя, хотя и стремились к упрочению самодержавия. Но идейные предпосылки панславизма уже сложились. Говоря о взглядах ранних славянофилов на судьбы славян, нельзя не отметить, что они выступали как сторонники ликвидации феодальных отношений в славянских землях⁴¹.

В конце 30-х — середине 40-х годов XIX в. ряд славянофильски настроенных деятелей совершили поездки по славянским землям Австрийской империи с научными и познавательными целями. Они пропагандировали там свои взгляды на славянство. Однако, несмотря на точки идейного соприкосновения, между идеологами либерализма в славянских землях и сторонниками славянофильства имелись серьезные расхождения во взглядах на пути развития славянства, цели, к которым следовало стремиться, методы их достижения. Славянские либералы 40-х годов являлись сторонниками западноевропейских форм жизни, в

³⁵ Славянофильству посвящена большая литература. Однако взгляды ранних славянофилов на славянство остаются слабо изученными.

³⁶ См. А. С. Хомяков. Полн. собр. соч. Т. VIII. М. 1900, стр. 126 (воспоминания А. И. Кошелева об А. С. Хомякове).

³⁷ Н. Л. Бродский. Ранние славянофилы. Поэзия славянофилов. М. 1910, стр. 143, 144, 145.

³⁸ А. С. Хомяков. Полн. собр. соч. Т. III. М. 1900, стр. 140; И. В. Козьменко. Указ. соч., стр. 200.

³⁹ А. С. Хомяков. Полн. собр. соч. Т. VIII, стр. 465, 466.

⁴⁰ Там же, стр. 412, 413, 414.

⁴¹ И. В. Козьменко. Указ. соч., стр. 200.

то время как славянофилы настаивали на принципиально отличном пути развития славян от путей развития западноевропейских народов и связывали его с укреплением и развитием патриархальных отношений. Либерализм стремился, хотя и со свойственной ему ограниченностью, к политической организации на основе буржуазного конституционализма и национального равноправия. Славянофилы, отрицая существующую полицейско-бюрократическую систему политического управления, противопоставляли ей идеализированные патриархальные порядки допетровской Руси под эгидой «истинного» православия. Для либералов славянская солидарность была общественным фактором решения национальных задач. У славянофилов идея славянского единения служила привлечению западного славянства к самодержавно-православной России. Но это предполагало заинтересованность славянофилов в национальном утверждении славян, что обеспечивало им симпатии со стороны ряда славянских прогрессивных деятелей.

Немецкая националистическая мысль со времен общегерманского фестиваля, состоявшегося в 1832 г. в Гамбахе, упорно приписывала царскому правительству агрессивный план объединения всех славянских земель под властью России⁴². В действительности царское правительство, исходя из незыблемости традиционного принципа легитимизма и соображений внутривнутриполитического порядка, отрицательно относилось к идеям соединения славян с Россией⁴³.

Принципиально иным был взгляд на взаимоотношения славян и их судьбы у дворянских революционеров России и славянской демократии. Интерес первых русских революционеров к славянской проблеме обуславливался прежде всего русской жизнью, потребностями борьбы против самодержавия и крепостничества, а также обостряющейся социально-политической обстановкой в порабощенных славянских землях за пределами России. А. Н. Радищев, а затем декабристы провозгласили и обосновали идею общеславянского революционного союза как предпосылки внутренних революционных преобразований. Идеи консолидации славян высказывали Н. Муравьев в «Конституции», П. И. Пестель в «Русской правде». С развитым декабризмом было связано зарождение идеи образования демократической республиканской федерации славянских народов после их освобождения от феодализма, абсолютизма и национального угнетения. В программных документах Общества соединенных славян была сформулирована мысль о Всеславянском союзе⁴⁴. При всей приверженности руководителей общества идее славянской солидарности включение ими в состав предполагаемого союза части неславянских земель отразило ощущение ограниченности этнической основы, неясное стремление связать республиканскую федерацию с компактной территорией.

Идея демократической федерации славян была популярной среди деятелей левого крыла польского Демократического общества. Т. Вишневецкий, точка зрения которого была наиболее характерной, выступал за объединение малых славянских народов в крупные государства и установление между последними союза на основе свободы и равенства. Вхождение России в этот союз допускалось при условии ее избавления от царизма. Сочувственно относился к идее федерации освобожденных славянских народов И. Лелевель. Польские демократы ориентировались на развитие славянских народов по революционному пути и связывали их освобождение с социальным переворотом, хотя главную силу революции видели в патриотически настроенной шляхте. Члены Демократического общества пропагандировали свои идеи среди украинцев, хор-

⁴² В. К. Волков. Указ. соч., стр. 38—39.

⁴³ См. записку К. В. Нессельроде Николаю I от 15/27 июня 1848 г. «Австрийская революция 1848 г. и Николай I». «Красный архив», 1938, № 4—5, стр. 191—192.

⁴⁴ М. В. Нечкина. Указ. соч., стр. 149 и сл.

ватов, чехов, лужицких сербов⁴⁵. Однако польская пропаганда была обречена на неуспех, так как тогда у этих славянских народов не сложилось еще политического течения с революционной программой действий.

Что касается идеи славянской федерации на буржуазно-демократической основе, то она являлась в то время политической утопией, ибо не сообразовалась с характером социальных условий. Развенчивая мечты западноевропейских буржуазных теоретиков «о создании европейской республики, об обеспечении вечного мира при соответствующей политической организации», Ф. Энгельс в 1845 г. указал на главное препятствие этому: «Буржуазия каждой страны имеет свои особые интересы, а так как эти интересы для нее превыше всего, она не способна подняться выше национальности...»⁴⁶. Он отмечал разный уровень развития, различия в положении, а отсюда и несходство политических интересов отдельных европейских народов⁴⁷. С этих же позиций он критически оценивал «демократический панславизм»⁴⁸.

Однако при всей политической несостоятельности мечты об общеславянской демократической федерации отражали чаяния передовых социальных сил и реальный процесс взаимного сближения славянских наций. Русские, польские, украинские революционные демократы 40-х годов XIX в., в свою очередь, отдали дань мечтам об объединении славянских народов, освобожденных от социального, политического и национального угнетения, в демократическую республиканскую федерацию. Эту идею разделял представитель революционного направления в Кирилло-Мефодиевском обществе, идеолог крепостного крестьянства Т. Г. Шевченко⁴⁹. Члены революционной группы петрашевцев мечтали о свободной славянской республике. Польский революционер-демократ П. Сцегенный связывал будущее славянских народов с демократической федерацией («Всеславией славян»), центром которой должна была стать свободная Польша. Дембовский также думал о федерации равноправных славянских народов во главе с Польшей, считая демократические преобразования необходимой предпосылкой такого соединения⁵⁰.

Общественный строй, за установление которого боролась славянская революционная демократия 40-х годов XIX в., мог быть в действительности только буржуазным со всей вытекающей отсюда противоречивостью интересов буржуазии разных наций. Поэтому идея общеславянской демократической федерации и в устах революционной демократии оставалась политической утопией. Но заключающееся в ней реальное содержание было более прогрессивно, чем в соответствующей идее буржуазных революционеров. Революционные демократы, подходившие ко всем общественным вопросам с позиций коренных интересов трудящихся масс, выразили в этой идее стремление эксплуатируемых классов всех стран к подлинному равенству, взаимной помощи и дружбе, свойственное им ожидание социальной и национальной справедливости. Принципиальное значение в решении революционными демократами 40-х годов XIX в. вопроса о взаимоотношениях славянских народов имел тот факт, что они подошли к пониманию единения славян не только в этническом, но и в социальном смысле, к осознанию общности коренных интересов трудящихся масс разных наций и вытекающей из

⁴⁵ W. Feldman. Op. cit., S. 144; Б. С. Попков. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. М. 1974, стр. 126, 127.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 590.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 293.

⁴⁸ Там же, стр. 181—182, 293.

⁴⁹ П. А. Зайончковский. Кирилло-Мефодиевское общество. М. 1959, стр. 74, 76.

⁵⁰ В. А. Дьяков. Указ. соч., стр. 49, 50, 57.

нее потребности международного сотрудничества на классовой основе. При этом, отстаивая солидарность трудящихся масс славянства, революционные демократы 40-х годов XIX в. рассматривали ее как часть более широкого межнационального сотрудничества демократических классов всех народов.

Историческая роль концепций славянской общности и программ единения славян определялась их классовым содержанием. Идеи построения, касающиеся развития и будущности славянства, являлись компонентом общих мировоззренческих систем, сочетались с другими программными положениями отдельных течений. Поэтому общественная роль идей славянского единения может быть правильно понята лишь в широком комплексе представлений и практики разных социальных слоев.

Консервативные программы, касающиеся судеб славян, являлись идеологическим оружием помещичьих, клерикальных или социально неразвитых мещанских слоев в деле упрочения их общественных позиций в новых условиях, хотя в то же время эти программы были направлены против насильственной денационализации славянского населения, а в ряде случаев подкрепляли требование восстановления независимой Польши. Но это вызывалось нуждами господствующих классов славянских земель, а не заботой о развитии складывавшихся наций.

Теории славянской общности в их буржуазной трактовке оказывали противоречивое влияние на развитие общественного сознания и жизнь отдельных славянских наций. Буржуазные концепции, опиравшиеся на передовые для своего времени философские, историко-культурные и морально-этические принципы, противостояли духовным традициям феодализма с его религиозным фанатизмом, местнической психологией, духовной изолированностью разных частей одного народа и разобщенностью родственных народов. Концепции славянской общности подчеркивали то общее, что сближало славян независимо от государственных границ, административных перегородок, религиозных верований и т. д. Это способствовало развитию сознания национальной целостности отдельных, раздробленных местными отличиями и искусственными преградами на части славянских народов. В то же время теории славянского единения, исходившие от буржуазных идеологов, носили на себе отрицательные черты буржуазного национализма — абстрагирование от классовых противоречий внутри каждой славянской нации и от классовой сущности национальных отношений, гипертрофирование этнической общности, преувеличение роли славян в судьбах человечества и т. д. Эти идеологические моменты задерживали прогресс славянских народов, затрудняли межнациональные контакты.

Концепции славянского единения, как трактовали их либеральные мыслители и публицисты, были нацелены на слияние интересов всех общественных сил славян, передовых и реакционных, перед лицом иноземных угнетателей. Они заключали в себе опасные иллюзии о возможности прогрессивных преобразований в союзе с феодальными силами славянских земель, являвшимися на деле главной опорой и союзником угнетательских режимов. Призывы к единению славян без учета социально-политической дифференциации общественных сил тормозили процесс идейного размежевания внутри каждой славянской нации, препятствовали вызреванию подлинно демократической мысли, то есть сознания несовместимости интересов аристократии и трудящихся масс.

В процессе развития национально-освободительных движений до революции 1848 г. положительные черты буржуазных идей славянского единения сыграли в определенной мере мобилизующую роль. Они помогали буржуазным силам в их борьбе против насильственной денационализации, политического давления и национально-государственных привилегий господствующих наций. Воплощение в жизнь идей едине-

ния славян, особенно в культурной сфере, способствовало действительному сближению славянских наций, что являлось положительным фактором в их развитии. Идеи славянской общности, отразившие понимание неразрывности судеб славянских наций в их прогрессивном развитии, сыграли положительную роль в процессе взаимовлияния и взаимообогащения славянских наций. Это касалось художественной культуры, идейных заимствований, освоения новых форм общественной деятельности и т. д.

Постановка революционными демократами 40-х годов XIX в. вопроса о единении трудящихся классов разных наций резко снизила позитивные общественные функции либеральных концепций этнического общения. Чем дальше развивался исторический процесс, чем глубже становился классовый раскол капиталистических славянских наций, чем последовательнее передовая общественная мысль отражала сущность общественных отношений, тем больше падала общественная значимость либеральных конструкций славянской общности.